

Чижов Федор Васильевич Письма о шелководстве. Москва: тип. А. И. Мамонтова и К°, 1870.

Выдержки о меннонитах.

Едва только около 1845 года и въ слѣдующіе за тѣмъ годы начали много говорить о шелководствѣ, тутъ же, какъ будто предиаѣренно, для вящшаго его движенія, мы узнали, что въ Екатеринославской и Таврической губерніяхъ, у менонистовъ, превосходно пошло шелководство. До 1840 года они не имѣли о немъ никакого понятія; первые полпуда шелку они получили въ 1841 году—и что же? Не позже какъ въ 1849 году они выдѣлали его до 130 пудовъ, въ 1850 году до 150 пудовъ, а послѣ еще больше. Это дало имъ, по тогдашнимъ цѣнамъ, болѣе 75 тысячъ рублей. Это уже дѣло, и дѣло не шуточное, безъ котораго въ три неурожайные года они не знали бы чѣмъ прокормиться. Два журнала: «Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ» и «Журнала» Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства», послѣ нихъ «Московскія Вѣдомости»—познакомили насъ съ этимъ необычайнымъ сельско-хозяйственнымъ явленіемъ, и мы не могли не повѣрить, что дѣйствительно шелководство можетъ быть одною изъ самыхъ выгодныхъ статей южной сельско-хозяйственной промышленности.

Самый лучший изъ шелкомотальныхъ приборовъ тотъ, который съ удобствами соединяешь простоту устройства, именно пимеонтскій и Леклерка. Можно поставить въ тотъ же разрядъ снарядъ нашего менониста Янсена; хотя онъ не превосходитъ оба другіе, но по простотѣ онъ встанетъ съ ними на ряду, если только мѣдныя его колеса и шестерни замѣнить блоками и струнами, для того, чтобы вовсе не было надобности въ городскихъ мастерахъ для починки. Я у себя замѣнилъ ихъ именно блоками, а московскій механикъ Крипнеръ у себя—эксцентрическимъ непрерывнымъ жолобомъ. Я предпочитаю мое замѣненіе, потому что, достигая совершенно той же цѣли, оно проще и, въ случаѣ какой-либо ломки отъ крайней неосторожности, починка можетъ быть сдѣлана нашими самыми обыкновенными, доморощенными деревенскими мастеравыми.

Здѣсь кстати скажу нѣсколько словъ о механизмѣ и снарядахъ. Сколько мнѣ ни случалось говорить съ городскими механиками, самыхъ добросовѣстныхъ изъ нихъ никакъ не увѣришь, что колеса и шестерни въ ручныхъ машинахъ, для деревенскаго употребленія,—вещь самая скверная, и что всегда на нихъ надобно смотрѣть какъ на зло, если и допускаемое, то развѣ тамъ, гдѣ уже оно неизбежно. Механики въ этомъ случаѣ такъ же упорны, какъ врачи, которыхъ вы никакъ не убѣдите, что лѣкарства въ обиходной, простой, деревенской жизни—хуже самыхъ болѣзней. Вся эта механическая свита колесъ, шестерней, и еще того хуже—муфтъ, кажется имъ до того проста, что всѣ единогласно возражали мнѣ: да тутъ нечему ломаться. Между тѣмъ на дѣлѣ выходило и выходитъ, что или зубъ колеса сломится, или у шестерни что-нибудь выскочитъ. Въ городѣ это сейчасъ же и починится; но въ деревнѣ такая ничтожная починка останавливаетъ ходъ дѣла на нѣсколько дней, а иногда па нѣсколько недѣль. По одному уже этому, передача движенія блоками, гдѣ только опа возможна и не замедлитель-па, всегда предпочтительнѣе колесъ и шестерней, а особливо несноснѣйшихъ муфтъ; здѣсь больше, нежели гдѣ-нибудь, умѣстна поговорка: «не то хорошо, что хорошо, а то хорошо, что идетъ къ чему».

Въ снарядѣ Янсена хорошо еще то, что могутъ тянуться вдругъ четыре нитки сырца, скрещиваясь отдѣльно, попарно. Правда, что размотка вдругъ четырехъ нитей требуетъ навыка и хорошихъ коконовъ: при дурныхъ коконахъ она больше замедляетъ, нежели ускоряетъ работу, потому что тутъ шелкъ рвется вдвое чаще, чѣмъ при двухъ шелковинахъ, отъ этого и вдвое больше остановокъ. То же при слабыхъ коконахъ, при которыхъ безпрестанно требуется подбавка, или подброска ихъ, потому что сильно утомляется вниманіе шелкомотальщика слѣдить за ровнствомъ четырехъ нитей и подбрасывать коконы почти ежесекундно. При крѣпкихъ коконахъ у меня легко разматывали четыре нити на приборѣ Янсена.

Къ этому еще надобно прибавить не маловажное дѣло въ промышленности—цѣну машины: каждый станокъ Локателли безъ паровика, при немъ необходимаго, стоитъ въ Москвѣ 65 руб. сереб., и безъ модели его въ другомъ мѣстѣ не сдѣлаютъ, да и при образцѣ можно сдѣлать только тамъ, гдѣ есть чугуно-литейня, потому что онъ весь чугунный, колеса, шерстерни, раскладники и золотники мѣдные, тазики цинковые,—тогда какъ приборъ Янсена продается по 25 рублей серебромъ, а сдѣлавъ его удобнѣе, то есть введя блоки и струны, можно продавать по 20, по 15 рублей и врядъ не дешевле ли.

Обращаясь къ самому шелкомотанью, надобно сказать: на какомъ снарядѣ ни разматывайте шелкъ, самый важный тутъ дѣятель—шелкомотальщикъ; все зависитъ отъ его вниманія, опытности и добросовѣстности. Замѣнить его однимъ машиннымъ устройствомъ невозможно уже и потому, что здѣсь вы имѣете непосредственно дѣло съ произведеніемъ живыхъ существъ, которыхъ работа была подчинена живому закону ихъ жизни, а не мертвому механизму, или не просто одному растительному развитію. По этому самому здѣсь не можетъ быть непогрѣшительной ровности коконовъ: одинъ коконъ сматывается прежде, другой послѣ; на одномъ шелковина рвется, другой разматывается до конца не отрываясь.

Самое лучшее устройство шелкомоталенъ какъ для выгоднѣйшаго учета, такъ равно для сохраненія времени, для сбереженія труда и топлива—паровыя шелкомотальни, въ которыхъ паръ былъ бы непосредственнымъ нагрѣвателемъ воды въ тазикахъ, проведется ли онъ прямо въ воду трубками, или устроится у нихъ двойное дно, куда онъ будетъ идти изъ трубокъ. Разумѣется, что паровичекъ, трубки и двудонные тазики потребуютъ издержекъ и особаго помещенія, тогда какъ теперь нѣсколько Янсеновыхъ машинъ могутъ стоять въ одной жилой комнатѣ,—каждая занимаетъ не больше 1 ½ квадратныхъ аршина; но если только шелкомотаніе сколько-нибудь значительно, тогда всѣ небольшія издержки вознаграждаются съ избыткомъ.

Если шелкомотальщикъ самъ долженъ отыскивать концы коконовъ и самъ чистить шелкъ послѣ размотки, то онъ можетъ размотать легко ½ фунта сырцу въ 8 и 10 коконовъ,—чѣмъ толще, тѣмъ больше, чѣмъ тоньше, тѣмъ меньше. Если одинъ разматываетъ, а другой запариваетъ и отыскиваетъ концы, то разматываетъ почти-что фунтъ, а на Янсеновой машинѣ, тянувъ четыре шелковины разомъ, немного меньше двухъ фунтовъ.

У менонистовъ, какъ пишетъ въ «Обозрѣніи шелководства въ южныхъ губерніяхъ» (1853 года) С. А. Масловъ: «производители коконовъ приносятъ ихъ къ размотчику и, получая отъ него шелкъ, платятъ за размотку по 57 копѣекъ серебромъ съ фунта сырцу въ 8 коконовъ». Такимъ образомъ вездѣ само собою устроивается раздѣленіе шелководства на двѣ отдѣльныя промышленныя отрасли.

Почти чрезъ 100 лѣтъ, именно около 1700 года, при Лудовикѣ XIV, производство шелку на всемъ югѣ Франціи доходило не больше какъ до 29,400 фунтовъ, тогда какъ у насъ менонисты въ пятнадцать лѣтъ отъ начала своего шелководства (именно отъ 1836 до 1851 года) дошли до 8000 фунтовъ. Тогда весь Лангедокъ и Виваре производили всего до 12,000 фунтовъ, теперь они же даютъ до полутора милліоновъ французскихъ фунтовъ (до 750,000 килограмовъ).

Даже шелки повозаведеннаго у насъ шелководства менонистовъ и губерній Кіевской и Полтавской продаются по такой цѣнѣ, которая ставитъ ихъ тоже въ разрядъ шелковъ европейскихъ, хотя пока еще и не самыхъ высокыхъ. Припомнимъ и то, говоря о нихъ, что едва

ли есть 20 лѣтъ, какъ начали получать шелкъ менонисты; въ Полтавской и Кіевской губерніяхъ нѣтъ еще и десяти лѣтъ сколько - нибудь правильнаго, хотя и меньшаго шелководства. Какъ же и гдѣ же еще можно было образоваться опытнымъ шелкомотальщикамъ и шелкомотальщицамъ?

Въ 1833 году въ іюлѣ справочныя цѣны на шелкъ-сырецъ были слѣдующія: брусскій отъ 183 до 200 руб. сер. за пудъ, кошанскій отъ 130 до 160, мазандераискій отъ 30 до 53, нухинскій отъ 95 до 120, шемаханскій отъ 80 до 85, кубинскій и карабахскій тоже отъ 80 до 85. Я потому беру цѣны этаго года, что позднѣе началась болѣзнь шелковичныхъ червей, дошедшая въ 1857, 1838 и 1859годахъ до высшей степени своего развитія. Съ тѣхъ поръ она не прекращалась почти до настоящаго года; теперь кажется она вездѣ поутихла, и шелководство можетъ-быть снова придеть въ правильный ходъ.

Сырецъ менонистовъ продавался тогда отъ 170 до 190 руб. сер. за пудъ,—почти наравнѣ съ брусскимъ; мы, шелководы Полтавской и Кіевской губерній, продали свой шелкъ по 140 руб. сер. за пудъ. Позднѣе эти цѣны весьма значительно повысились. Всѣ эти данныя избавляютъ насъ отъ опасенія, чтобы не было сбыта нашему шелку. По настоящему потребленію его, мы можемъ беззаботно выдѣлывать до 20,000 пудовъ, и то еще не избавимся отъ шелка иностраннаго. Разочтемъ же, какъ такое добываніе усилить трудъ и сколько потребуеть земли подъ шелковичныя деревья.

Полагая приблизительно 10 деревьевъ для полученія коконовъ на фунтъ шелку, для 20,000 пудовъ понадобится 8 милліоновъ деревьевъ въ работѣ, а съ отдыхающими до 10 милліоновъ, которыя должны занять, по меньшей мѣрѣ, до 10 тысячъ десятинъ земли, принести за нее и за трудъ до 4 милліоновъ руб. сер. и потребовать до 100 тысячъ рабочихъ и полурабочихъ, оплачивая хорошею цѣною легкіе ихъ труды и заботы. Я не перехожу здѣсь къ расчету Фабричному, т. е. къ приготовленію шелковыхъ тканей,—это вывело бы насъ изъ сельскохозяйственнаго расчета и не привело бы ни къ какимъ опредѣленнымъ, положительнымъ выводамъ. По всей вѣроятности, при полученіи большаго количества домашняго шелку фабричная обработка его значительно усилилась бы; особенно должна была бы усилиться переработка его въ утокъ и основу.

По составу и ходу червеводства, никакой частный опытъ не можетъ быть доведенъ до большихъ размѣровъ. Мы счастливы еще тѣмъ, что у насъ въ менонистскихъ колоніяхъ онъ произведенъ былъ цѣлыми селеніями, и потому выводы получились истинно-блестательные; но и самое это, вполне исполинское, начало новаго дѣла принимается людьми недовѣрчивыми и неподвижными хозяевами, какъ частное исключеніе: о немъ слушаютъ съ удовольствіемъ и не подаются на водвореніе у себя того, что требуетъ годовъ ожиданія и что сдѣлано сотнями колонистовъ-поселянъ, а не однимъ промышленникомъ. Послѣднее имѣеть весьма большое значеніе. Предпринятый тружениками, все нашедшими въ трудѣ и всего отъ труда ожидающими, опытъ новаго начинанія мало разносится во всеуслышаніе изустными и письменными о немъ рассказами, а остается въ предѣлахъ шелководной области, то-есть не столько является распространителемъ новой промышленности для людей ей чуждыхъ, сколько ободреніемъ и ручательствомъ за успѣхъ ея въ глазахъ людей, занимающихся шелководствомъ. О немъ много писали въ «Московскомъ Журналѣ Сельскаго Хозяйства», писали и въ другихъ сельскохозяйственныхъ повременныхъ изданіяхъ, но, по исключительно одностороннему ихъ направленію, они доступны немногимъ и вообще мало распространены, такъ что успѣхъ менонистовъ не получилъ большой извѣстности, тогда какъ онъ одинъ есть такое явленіе, которому не найдешь подобнаго въ ходѣ ни одной сельско-хозяйственной отрасли. Втеченіи пятнадцати лѣтъ, *не употребивши никакую денежнаго капитала*, кромѣ капитала собственнаго труда, достигнуть до того, чтобы получить болѣе 32 тысячъ рублей серебромъ ежегоднаго дохода,—согласитесь, что это едва вѣроятный сельскохозяйственный подвигъ.